

АРБУЗНАЯ КОШЕЛКА

Наступило утро, и городские ворота со скрипом распахнулись. Зазвенели бубенцы, закричали погонщики, и караваны, гружёные драгоценными индийскими тканями, прекрасной медной и серебряной посудой, знаменитыми хорасанскими коврами и множеством других дорогих товаров, двинулись в город. За воротами стояли бухарские стражники с разбойничьими физиономиями. Они ухмылялись, предвкушая сбор пошрины, часть которой непременно оседала в их карманах.

Вслед за караваном богатого купца из Багдада в ворота въехала скромная скрипучая арба дехканин Али, полная арбузов. На арбе сидели двое. Один – сам Али, всё лето не разгибавший спины на своей бахче, а другой – Ходжа Насреддин, выручивший недавно Али из неприятной истории с поливом посевов. В благодарность за помощь Али чуть ли не силой заставил Насреддина принять от него часть урожая, и теперь они вместе везли арбузы на бухарский базар: 104 арбуза вёз Али и 17 – Насреддин.

– Стойте! – сказал начальник стражи, и арба остановилась. – По какому делу вы едете в благородную Бухару?

Али открыл было рот, чтобы подробно объяснить, но Насреддин дёрнул его за рукав и быстро сказал:

– На базар, о доблестные воины!

– Что продавать будете?

– Арбузы!

– С вас деловая пошрина – ведь вы едете по делу; и торговая пошрина – ведь вы едете торговать; и арбузная пошрина – ведь вы ввозите в город арбузы.

– Но... – начал Али.

– Молчи! – шепнул Насреддин. – Каждое слово тут стоит денег, а у нас с тобой их нет.

– Нет денег? – взревел начальник стражи, отличавшийся очень острым слухом, когда речь шла

о возможности поживиться. – Поворачивайте оглобли! Мы не впустим вас в город!

– Зато у нас есть арбузы, – поспешно заметил Насреддин. – Сколько стоят арбузы на бухарском базаре?

Стражники переглянулись. День был жарким, и дармовые арбузы пришлись бы кстати. Поразмыслив с минуту и поглядев на облизывающихся стражников, начальник назвал цену.

Всего полчаса поторговавшись, начальник стражи и Насреддин пришли к соглашению.

– Значит, Али должен отдать тебе 19 арбузов, но он переплатит тебе 1 таньга, – сказал Насреддин. – Зато я должен тебе 3 арбуза и 1 таньга впридачу. У меня нет и одной таньга, но я великодушно освобождаю тебя от долга моему другу. По рукам?

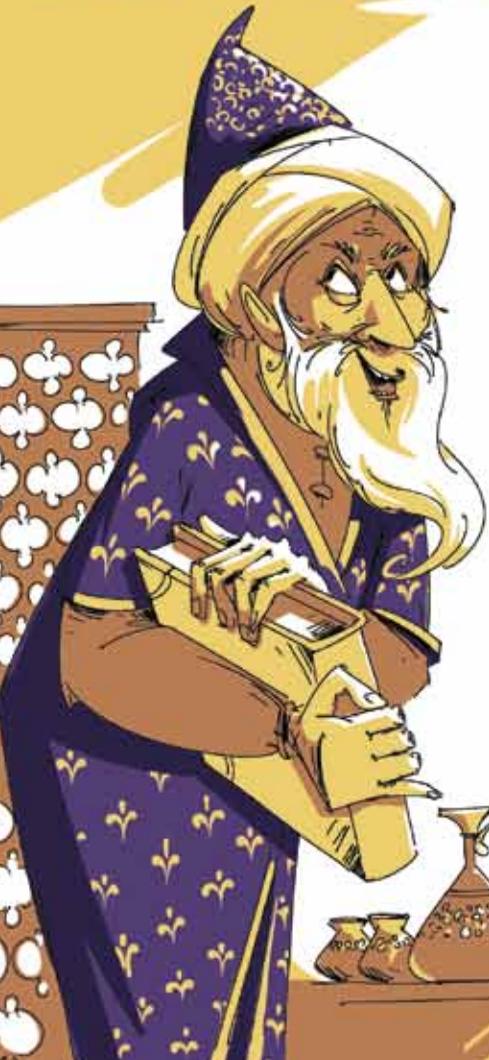
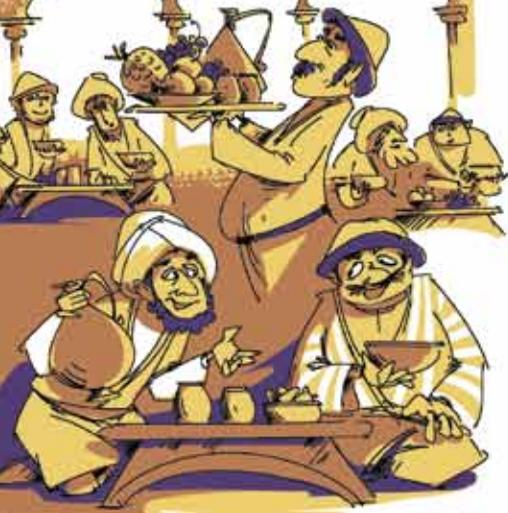
– По рукам, – ответил начальник стражи и кивнул своим подчинённым. Стражники кинулись к арбе и принялись разгружать арбузы. Насреддин внимательно следил за ними.

– Стой, почтенный, это уже лишний арбуз, мы уплатили пошлину сполна! – закричал он наконец, увидев, как один из стражников ухватился за двадцать третий арбуз. Стражник замешкался, Али подхлестнул ишака, и арба, переваливаясь, покатила подальше от ворот.

За спиной у друзей раздавалось чавканье: караул торопливо поглощал арбузы.

Вечером, распродав свой товар, Ходжа Насреддин и Али сидели в чайхане. Теперь у них было на что купить плов, так что они с удовольствием ужинали. Пузатый чайханщик принёс каждому по чайнику и поставил на столик пиалы. И тут к друзьям подсел бородатый старик важного вида. Присмотревшись, Насреддин узнал его: они встречались прежде при довольно неприятных обстоятельствах. Это был знаменитый звездочёт и мудрец Гуссейн Гуслия, главный математик эмира бухарского.

К старости он стал слаб глазами и не узнал Насреддина, доставившего ему в своё время немало хлопот.

«Сейчас я поражу своей мудростью этих невежественных людей, – думал Гуссейн Гуслия. – Они расскажут об этом другим, слух дойдёт и до эмира, и он будет ценить мою учёность ещё больше».

– Я слышал ваш разговор со стражниками у бухарских ворот, – начал он, поглаживая длинную бороду. – Но я не слышал, какова должна была быть пошлина и сколько стоит один арбуз, – уж очень громко кричали доблестные стражи. Но я – великий учёный, и могу назвать цену арбуза, не побывав на базаре и никого не спрашивая.

– Что же, назови, – отозвался Ходжа Насреддин.

– 11 таньга! – провозгласил звездочёт и с торжеством поглядел на собеседника. – Я – великий мудрец эмира, сам Гуссейн Гуслия, и вы должны признать мою несравненную мудрость...

– Ты не угадал, о великий Гуссейн Гуслия, – перебил его Насреддин.

– Как это «не угадал»? – возмутился старик. – Я знаю наизусть великую книгу Аль-Хорезми «Аль-джебр аль-мукабала», полную глубочайшей премудрости и недоступную невежественным умам. Вот смотри: если арбуз стоит x таньга, а за его провоз стражники берут y таньга, то цена 19 арбузов на 1 таньга больше, чем налог, который Али уплатил за свои 104 арбуза:

$$19x = 104y + 1.$$

А ты за свои 17 арбузов заплатил меньше, чем должен был, на 1 таньга, отдав 3 арбуза:

$$3x = 17y - 1.$$

Теперь, пользуясь наукой несравненного Аль-Хорезми, углубляться в которую нет нужды, ибо ты всё равно ничего не поймёшь, я нахожу x и y :

$$x = 11,$$

$$y = 2.$$

Гуссейн Гуслия размахивал листом пергамента с расчётами, презрительно поглядывая на Насреддина.

– Мудрость твоя велика, – спокойно ответил Ходжа Насреддин. – Но, как сказал один умный человек, математика – это мельница, которая перемалывает то, что кладут на её жернова. Я тоже не буду углубляться в премудрую науку Аль-Хорезми, ибо я не могу сравниться с тобой в учёности, но знай, что вместо зерна ты бросил в жернова математики семена полыни, и доброй муки у тебя не вышло.

– Как это? – оскорбился звездочёт. – Как можешь ты судить о верности моего решения, ты, презренный дехканин, подобный невежеством своему ишаку?

– Так скажи мне, о Гуссейн Гуслия, с избытком одарённый познаниями, но чуточку обиженный умом, – спокойно ответил Насреддин, – зачем Али платить пошлину за те 19 арбузов, которые он отдал стражникам? Ведь их-то он не повёз на базар. И я не обязан платить за 3 арбуза, съеденные у ворот доблестными воинами. Так что записать нужно так:

$$19x = (104 - 19)y + 1,$$
$$3x = (17 - 3)y - 1.$$

Теперь ты можешь привлечь ту достойную восхищения науку, в которой тебе нет равных, и убедиться, что арбуз стоит 9 таньга.

Гуссейн Гуслия погрузился в вычисления и обнаружил, что непочтительный незнакомец прав.

– На этот раз я ошибся, – неохотно признался он. – Должен сказать тебе, что твои рассуждения достойны самого Ходжи Насреддина. И твоё нахальство тоже!

Ходжа Насреддин долго смеялся. Хохотал Али. Чайханщик схватился за живот и тихо постанывал: «Ой, умру!». Гуссейн Гуслия некоторое время смотрел на них с недоумением, потом дёрнул себя за бороду и запричитал:

– Так это ты, о сын греха, это снова ты явился в Бухару, чтобы посмеяться над моими сединами! Чтоб тебя забрал шайтан, чтоб тебе не знать покоя на том и этом свете, чтоб...

– Успокойся, почтенный, – сказал Ходжа Насреддин, утирая слезы. – Я всего лишь приехал продавать арбузы.

